

Л.И. Василенко

Посмертная травля отца Александра Меня

I. Под знаком террора

*Под знаком террора
не может быть раскрыта правда.*
Николай Бердяев

В ноябре 1998-го появилось «Православное книжное обозрение», в редакционном совете которого видим следующие лица: архимандрит Тихон (Шевкунов), прот. Димитрий Дудко, главный редактор В. Аверьянов. Авторы газеты удостоили погибшего о. Александра Меня серии демагогических статей. Первым помещено «Открытое письмо священнику Александру Меню» за подписью митрополита Ленинградского Антония (Мельникова), затем «О "наследии" прот. Александра Меня» прот. Димитрия Дудко, и ещё есть нечто без заголовка — от мирянина Н. Сардонникова. Одобрительно также подана старая грязная брошюра «О "наследии" прот. Александра Меня» (М.: Правило веры, 1993), где напечатали того, кто все ещё скрывается под именем «прот. Сергия Антиминсова», а также разный другой сомнительный материал. Патриаршее благословение нигде не обозначено — очевидно, редакционный совет и авторы в нём не нуждаются.

Указанная брошюра, изданная тогда «Правилем веры» вместе с газетой «Град Китеж», похоже, стала чем-то непрекаемо авторитетным, каноном для тех, кому нужно чернить имя погибшего. Например, украинская газета «Запорожье православное» в № 1 (17) за январь 1998 г. поместила краткий реферат этой брошюры прот. Димитрия Винника «Протоиерей Александр Мень: анализ творчества». Уважаемый украинский протоиерей воспроизвел многократно повторенную раньше ложь, что для о. Меня Библия — это всего лишь литературное произведение, что он — в действительности служитель Слова — противопоставляет науку Слову Божию, чтобы дискредитировать Его: «На наших глазах разворачивается разрушение Библии... Это уже по сути дела разрушение веры» и т. п. (с. 7).

Под конец автор пишет: «Пусть эта статья не покажется читателю попыткой опорочить невинно убиенного священника нашей Церкви. Он жил и умер православным христианином и активнейшим проповедником Слова Божия» (с. 7). Увы, содержание статьи идет вразрез с этим благим пожеланием. Автор вдобавок предлагает читателям «вознести свои молитвы об упокоении его души в селениях праведных». Нет, уж лучше это делать не вместе с такими авторами. Украинский автор мог бы здесь по-украински недоверчиво отнестись к тем «москалям», которые упорно, из года в год, распространяют свою клевету повсюду и явно ввели его в заблуждение. Уместно здесь напомнить и стихи Даниила Андреева:

Гневный град, соперник Рима,
Вероломная Москва!
Кровью жертв ненасытима!
Верой двойственной жива!

Суровые и неприятные слова. Проще всего от них отмахнуться. Разумнее сказать, что это всё было, но было также и другое — верность правде Божией вопреки всем, кто жаждал крови свидетелей Христовых. Москву нужно оценивать по тому лучшему, что в ней было (конечно, нельзя закрывать глаза на худшее). Поскольку указанная брошюра

считается чем-то образцовым, придется и о ней сказать несколько слов. Она посвящена памяти Феликса Карелина и включает две публикации: «Протоиерей А. Мень как "комментатор" Священного Писания» за подписью указанного «прот. Сергия Антиминсова», и «О домостроительных пределах богоизбранности еврейского народа» Ф. Карелина. Брошюра продавалась во многих киосках православной литературы, надо полагать, с высокого благословения.

Разбирать её содержание здесь незачем. «Прот. Сергей Антиминсов» — псевдоним автора из Сергиева Посада, который уже два года публикует свою беззастенчивую халтуру и клевету без благословения епископата Русской Православной Церкви. Ходят слухи, что это — о. Исайя (Белов), ныне уже архимандрит. Ответ на его писания уже давался в «Русской Мысли» № 3942 за 1992 г. и в № 164 «Вестника РХД», а также в небольшой книге «Вокруг имени отца Александра» (М., 1993), подготовленной обществом «Культурное возрождение». Все сказанное было оставлено без внимания, а сами эти издания не предлагались верующим в православных храмах и киосках, кроме двух-трех мест. Заметим, не предлагались почти нигде в храмах и книги самого о. Александра, а вместо этого в разных епархиях, случалось, собирали священников, чтобы они послушали разъяснения важных лиц из Троице-Сергиевой Лавры о том, что Мень — это еретик и зловерный экуменист. Было ли на эту кампанию клеветы благословение архипастырей, мы, наверное, со временем узнаем.

Из опубликованных в ответ псевдо-Сергию материалов ясно, что этого закулисного «критика» нельзя считать ни компетентным специалистом, ни честным человеком. Статья Ф. Карелина — нечто другое. Для этого автора невыносима непреложность Божия избрания евреев, и он решил его по-своему ограничить. Ф. Карелин не постеснялся присвоить себе Божие право судить, кто из избранных должен быть отвергнут по причине неверности призванию. В результате — статья антисемитской направленности и с высокомерными поучениями духовного банкрота. Вся брошюра переполнена цитатами из Св. Писания, её авторы могут показаться людьми знающими, благочестивыми и ревнующими за верность Правде, но само это «благочестие» — агрессивно-наступательное, оно отдает запахом тления, в нем звучит какой-то угрюмый рев, требующий тупого послушания и принесения в жертву того, что свято и дорого сердцу.

О Феликсе Карелине следует немного сказать на основании свидетельств хорошо знавших его людей. Сын расстрелянного чекиста, он в годы войны работал в СМЕРШе, а после войны стал штатным провокатором и был заслан в группу богоискательской молодежи. Там он настолько увлекся религиозными вопросами, что покался и сам раскрыл себя как агента. Его неустойчивая и буйно увлекавшаяся натура не годилась для такой «работы». Всех, включая Феликса, однако, посадили. В лагере странностями своего поведения он возбудил подозрения других заключенных, и они предложили ему убить ранее раскрытого ими провокатора и этим доказать, что он — не стукач. В противном случае смертью грозили ему самому. Феликс стал убийцей и получил второй срок. После освобождения реабилитирован не был.

Ф. Карелин принёс много зла о. Александру и его приходу, а также покойному о. Николаю Эшлиману и ряду других священников и мирян. В 60-е годы Феликс создал в Москве ряд абсурдных ситуаций: он разгоряченно убеждал многих, что вот-вот поднимется весь православный мир и все изменится, увлекал на крайние и необдуманные действия — на неоправданную конфронтацию с церковной иерархией, на уход с приходской работы. Он же вовлек целую группу в панический отъезд из Москвы в Новый Афон (Абхазия) в ожидании скорых эсхатологических бедствий, отнесенных к вычисленному им дню снятия пятой печати. (Подробнее см.: О. Александр Мень. Воспоминания // Континент. 1996. № 2 (88). Однако в 70-е годы он переориентировался на русский православный национализм. Посмертная публикация этой статьи Феликса Карелина, написанной им ещё в 1978 году для нужд антисемитского самиздата, показывает, что православные «патриоты» по-прежнему считают его своим.

* * *

Редакция и авторы «Православного книжного обозрения» изобразили в своей газете что-то вроде «соборности» — тут и митрополит, и священник, и мирянин, и ещё кто-то на горизонте — и все заодно против Меня, убиенного за свидетельство Христово. Не соборность это, а солидарность во грехе. Почему? Нет правды, а есть ложь, осуждение и ненависть. Что мы видим в «Письме» за подписью митрополита? Политическое обвинение в том, что о. Мень — «постовой» сионизма в Православии. Обоснования — никакого, факты — не нужны, главное — оклеветать самоуверенным, не терпящим никаких возражений тоном и как можно крепче и наглее. В качестве «факта» предьявляется ложная идеологическая обработка автором старого интервью о. Меня (Вестник РХД. 1976. № 117), по поводу которого о. Менью по-советски приписано намерение если не включить Православие в иудаизм и сионизм, то открыть сионизму канал для проникновения и разложения его изнутри.

В сталинские времена такого обвинения было достаточно, чтобы поставить к стенке. Все подано в обычном стиле коммунистических идеологов и работников КГБ брежневских и более ранних времен. Тот, кому предьявлялись такие обвинения, уже никогда бы не отмылся в глазах обвинителей и исполнителей их приказов и был обречен — его не защитил бы ни закон, ни личная невиновность, ни поддержка общественности. И тот, кто расправился бы с таким «врагом», сделал бы, очевидно, правое дело — исполнил долг перед Родиной. Такое обвинение нужно оценить не иначе, как санкцию на убийство. А те, кто теперь публикуют его, тем самым предлагают православным стать солидарными с убийцами о. Александра Меня, а значит — быть совсем не христианами, а только по имени православными, каковы и сами обвинители. Бежать прочь от всего, что связано с именем о. Александра, как от чумы, отречься от него публично или на частной исповеди, присоединиться к хору тех, кто будет и дальше обливать грязью не только о. Меня, но и многих других, — вот что нам фактически предлагает газета. Будьте предателями, как бы говорят нам, и мы вас снисходительно примем — правда, как людей второго или третьего сорта.

Пастырским словом это свидетельство ненависти никак нельзя назвать. Да и писал, вероятнее всего, какой-нибудь оголтелый мирянин или просто нецерковный человек, оставшийся за кадром. То, что митрополит Антоний, случалось, ставил свою подпись под текстами, которые кто-то для него готовил, — вещь известная. И я думаю, что он позволил и здесь использовать свое имя. Письмо ведь ходило по рукам задолго до его смерти в 1986 г., и не слышно было, чтобы кто-либо, включая самого митрополита, возражал против такого понимания авторства этого письма.

Впрочем, некоторые не хотят так думать о митрополите и говорят, что его подпись поставили другие люди уже после его смерти. Я понимаю думающих так и хотел бы к ним присоединиться, но вот публикаторы не дают. Не случайно теперь письмо ассоциируется с именем этого митрополита. Публикаторы тем самым свидетельствуют, что ненависть к о. Александру Менью была давно не только среди мракобесов от монашества, мирян или рядового клира, но и среди некоторых иерархов нашей Церкви. А сейчас этой ненависти, надо полагать, стало ещё больше, и ненавидящие выступают открыто, привлекая на свою сторону и тех, кто раньше был от них в стороне.

Слава Богу, что есть возможность выбора, кому из иерархов верить. Есть известное пастырское слово митрополита Антония Сурожского, доброе об о. Александре. Есть слово и митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Архиепископ Вологодский (ныне на покое) Михаил (Мудьюгин) недавно сказал на одной из радиостанций Санкт-Петербурга, что Церковь со временем канонизирует о. Александра Меня. Возблагодарим Бога, что есть иерархи, которые не унижают достоинства епископа.

«Требуется особая изощренность во лжи, чтобы и здесь (т. е. в Православии) вести разлагающую деятельность», — пишет автор этого письма. Ну что ж, идеологической техникой этой изощренности он сам вполне овладел. Беспринципность марксистской демагогии узнается сразу. Посмотрим, например, как этот автор обращается с ап. Павлом. Ал. Павел пострадал в свое время от иудеев-антихристиан, очевидно, намного больше, чем автор письма. Павел болел сердцем за свой народ и писал ясно: «Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак. Ибо я Израильтянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова. Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал» (Рим. 11: 1-2). Павел ссылается даже на свое собственное обращение из иудаизма в христианство, чтобы убедить: Израиль не отвергнут и его богоизбранность не отменена. Будь народ полностью отвергнут, не было бы и обращений в христианство из иудеев. Ведь воля Божия непреложна. И любить Бог может даже тех, к кому у автора письма нет ничего, кроме черной ненависти и злобы. Но сурова любовь Божия, весьма сурова и требовательна. И есть наказание Божие за неверность Его воле — но наказание во вразумление. У Павла нет скидок в оценке духовного состояния иудеев-антихристиан, но есть предупреждение неевреям: не превозносите над иудеями, иначе и вас ждет наказание.

Автор письма утверждает: «Известно, как на протяжении истории в определенных кругах Израиля ещё до пришествия Христа Спасителя начиналось, сперва духовно, поклонение дьяволу, а затем это поклонение князю тьмы стало вполне определенным и осознанным. Правда, такое сознательное дьяволопоклонение было и остается уделом весьма немногих особо посвященных духовных вождей и учителей Израиля» (с. 1). Такие обвинения надо подтверждать надежными фактами. Но их у автора нет. Есть, помимо демагогии, ссылки на известные новозаветные тексты: иудеи — «сборище сатанинское», «ваш отец диавол» и др. Ссылки эти, однако, говорят не о сатанинском культе, а о дьявольском духе противления Богу среди иудеев-антихристиан, который, если он утвердился, вообще говоря, может обойтись и без такого культа, чтобы действовать антихристиански.

Автор письма сам приводит слова Христовы: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Ин.5:43). Но эти слова тоже не означают именно культа Сатаны. По смыслу слов, решительное и ни с чем не считающееся горделивое самоутверждение против Бога — это и есть антихристов дух. Гордец может и не поклоняться Сатане, а действовать только во имя свое, чтобы фактически совершать угодное Сатане. И совсем не обязательно быть для этого евреем: любой националист и антисемит тоже действует во имя свое, тоже противится Высшей правде, а значит, делает то, что угодно Сатане, не совершая при этом сатанинского культа. Ал. Павел обвинял иудеев в том, что свое законничество они поставили выше правды Божией (Рим. 10:3). И если внимательно посмотреть недавно вышедшую книгу св. Иоанна Златоуста «Против иудеев» (М.: Лодья, 1998), мы и там найдем упреки и обвинения иудеям-антихристианам, столь же суровые, как и у ап. Павла, ап. Иоанна и в речи первомученика Стефана, но я не нашел в этой книге обвинения в приверженности культу Сатаны в собственном смысле слова. Так что автор письма использует не названные им источники, которые не относятся к традиции апостолов и Отцов Церкви, и предлагает слепо верить своим источникам больше, чем церковным.

С точки зрения ряда нынешних христианских демократов всякий, кто говорит об антихристианстве иудаизма, рискует заработать клеймо «антисемита», «совка», «фашиста» или кого-то ещё. Было бы ошибкой утверждать, что все иудеи — антихристиане. Но возьмем недавнюю публикацию из демократической прессы за подписью члена «двадцатки» Московской еврейской религиозной общины Йошуа (Евгения) Розенцвейга «Последователи "мессианского иудаизма" — не евреи» (НГ-религии. 18.11.98. С. 13). Это—свидетельство какого-то безмерного презрения к евреям, принявшим крещение; «последние не имеют никакого права претендовать на то, чтобы

называться евреями» (с. 13). Ну что ж, демократический плюрализм позволяет теперь иудею публично выражать презрение к еврею-христианину. Но христианин-нееврей, видя такое свидетельство ненависти, должен выбрать, с кем ему быть.

А вот ещё одно, сравнительно давнее свидетельство такого же презрения и ненависти. Натан Файнгольд в брошюрке «Диалог или миссионерство?» (Иерусалим, 1977) писал: «Судя по ряду признаков, советские неоиудеохристиане в Израиле используют стратегию дальнего прицела. Пользуясь индифферентностью и попустительством политического сионизма в нынешней администрации, прибегая к обману путем сокрытия фактов, скрывая свое христианство там, где считается это целесообразным, они "вкореняются" в израильское общество, посещают не только церковь, но и синагогу, и ... ждут своего часа. Понятно, что они обладают исключительными преимуществами перед обычными миссионерами: настораживает миссионерствующий поп, но как не довериться "еврею", которого в Йом-Кипур ты видел в синагоге?» (с. 45),

С именем о. Александра Меня данный автор связывает «патологический процесс крещения евреев, имеющий тенденцию к расширению» (с. 48). «Миссионерство представителей русской православной церкви, направленное на крещение евреев в СССР, черпает человеческий материал из огромного резерва ассимилированного, атеизированного еврейства, резерва, как бы специально подготовленного для церкви советской властью за 60 лет её существования. Таким образом, поиск объектов не составляет проблемы для миссионеров. Несомненно также, что за последние годы они приобрели немалый опыт обработки еврейского атеизированного сознания. Virtuozы, подобные священнику Александру Меню, не просто обращают, они воспитывают соратников, которые активно включаются в процесс обращения все новых еврейских душ, жаждущих веры» (с. 47).

Не похожи ли друг на друга оба этих автора — Натан Файнгольд и псевдомитрополит? Националистическая озабоченность, высокомерие, ненависть и презрение к служителю Христову и его свидетельству высшей правды, политические и демагогические обвинения, не имеющие фактического основания, а также требование принять, наконец, жесткие меры — все это делает их симметрично подобными друг другу, несмотря на все их резкое идеологическое взаимное противостояние. Таких, как Меня, надо брать на мушку — этот вывод сделает из близких себе по духу публикаций как русский нацист, как и воинствующий иудей-антихристианин. Ещё одна тема этого письма — нападки на Меня в связи с вопросом о деканонизации блаж. Евстратия постника и Гавриила. Но сам-то вопрос в каком состоянии? Их общецерковной официальной канонизации не было. А пока не было убедительного решения Церкви, могут быть разные мнения. Известно, к примеру, мнение Митрополита Московского Филарета, недавно канонизированного, об истории почитания мощей младенца Гавриила и о внесении его в «Словарь святых». 30 лет спустя после убийства его останки были, как известно, найдены и принесены поначалу в один церковный погреб, а затем перенесены архимандритом Казачинским в Слуцкий монастырь. «Но ни сия история, ни архимандрит Казачинский, ни церковный погреб не имеют права причитать к лику святых» (См.: Вестник РХД. 1992. № 166. С. 18).

Относительно блаженного Евстратия постника нужно сказать, что Киево-Печерский патерик описывает его кончину как мученичество за веру, как свидетельство Христово перед лицом врагов веры, одним из которых в этой истории оказался иудей, отличавшийся особенной жестокостью. Антисемитизма в изложении этой истории нет. Рядом помещен рассказ о черноризце Никоне, который пострадал в половецком плену, но ненависти к половцам в изложении тоже нет. Патерику я склонен в целом доверять. Но форма изложения этих историй относится скорее к благочестивым сказаниям, чем к исторически обоснованному рассмотрению. Те, кто отдает должное существующим нормам критического анализа текстов, оценят эти истории как недостаточно убедительные.

Как бы там ни было с исторической точностью наших знаний о святых и о тех, чья святость вызывает сомнения, особенно важен вопрос о духовном качестве их почитания. Если автор, вроде данного псевдомитрополита, соединяет свою защиту почитания с наглой клеветой в адрес того, кто сам погиб за свидетельство Христово, — никакого доверия к себе он вызвать не может. Такие люди не должны влиять на решения Церкви, кого считать святым, а кого нет.

О. Александру Менью приписано также и то, что он имел намерение организовать особую еврейско-христианскую церковь вне православия и внутри иудаизма. Быть может, на раннем этапе своей деятельности он мог думать о воспроизведении традиции древней общины св. Иакова, брата Господня, на земле Палестины, предполагая какие-то благоприятные возможности. Но процитируем зрелую, позднюю оценку самого о. Александра, чтобы исчерпать вопрос:

«Я не думаю, что такие опыты, какие предпринимал Иосиф Рабинович (основатель одной, существовавшей столетие назад, иудеохристианской общины. — Л. В.) и другие проповедники, имели смысл... Сейчас в Израиле люди верующие составляют меньшинство. Большинство людей вообще отпало от веры, живет в бездуховности. Мы должны считать добром, если этим людям не будет навязана какая-то официальная религия, как бывало в прошлые века, а будет открыт свободный путь выбора. Если они вернуться к иудаизму — хорошо, если они будут искать другие выходы — хорошо. Если они придут к христианству, они от этого не перестанут быть евреями, а только прочнее свяжутся со своей традицией. Но это будет уже традиция не в архаическом смысле, не в замкнуто-национальном, а в широком, всемирном, могучем, как сама основа Церкви». (Свящ. Александр Мень. Возможно ли иудеохристианство? // Континент. 1998. № 95. С. 268).

* * *

Сравнительно с этим письмом текст свящ. Димитрия Дудко производит не столь жуткое впечатление. Помнится, раньше он говорил хорошо об о. Мене. Например: «Отец Александр — истинно православный священник... Он поступал как апостол Павел: с эллинами говорил как эллин, с иудеем как иудей, с учеными как ученый, с простыми людьми как простой человек. Он был очень добрый. Когда церковные власти запрещали мне служить, он приглашал меня в свой храм, чтобы служить вместе с ним». (Вокруг имени отца Александра. М.: Культурное возрождение, 1993. С. 44). А теперь мы видим иное. Прежде всего, Мень, оказывается, рационалист. Он без конца проверяет религию наукой и пр. А раз так, то мы, православные, будем иррационалистами, апеллирующими просто к духовному опыту. Просто и ясно — да только соглашаться с этим можно лишь по невежеству. Литургию Мень служил, оказывается, так же быстро, как и католики, а вот проповедовал — долго. Для сравнения: будничная месса укладывается в полчаса, а Литургия св. Иоанна Златоуста — не меньше полутора часов, даже если служить быстро, а вот проповедь о. Александра редко когда была больше 12-15 мин. При венчании Мень, читаем в тексте у Дудко, по-протестански «требовал от бракосочетавшихся» каких-то обещаний Богу. Но ведь протестанты отвергли учение о таинствах и давным-давно не венчают, а обязательство любви, верности и супружеского уважения, надеюсь, и у о. Димитрия пока ещё не перестали брать на себя при венчании.

И ещё: «Последователи его (т. е. Меня) — Борисов, Кочетков и другие пошли ещё дальше: просто говоря, стали реформировать Церковь». Сам о. Александр Мень никаких реформ, как известно, не затевал. То, что он не так, как другие, проповедовал и свидетельствовал свою веру, — это ещё не реформа в собственном смысле слова. Отец Георгий Кочетков в одном из интервью подчеркнул, что не относит себя к последователям Меня. А протоиерей. Александр Борисов, если и считать его последователем, в своё время

писал о желательности некоторых реформ, но сам к ним не приступал, уважая церковную дисциплину.

«Прогрессивных же "реформаторов" наших поддерживают западные богословы, такие как Мейендорф, Шмеман», — читаем дальше. Во-первых, это наши, светлые по духу православные богословы и священнослужители Церкви, свидетели веры; а, во-вторых, они давно умерли и не успели бы поддержать, (если бы, конечно захотели — что, впрочем, не очевидно). Например, на вопрос о реформе богослужебного языка о. Мейендорф однажды ответил: «Осторожно отношусь. Осторожно, но я думаю, что она в какой-то мере стоит. Думаю, что, бесспорно, она стоит». (Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Православная Церковь в современном мире. Чтения памяти прот. Всеволода Шпиллера. М., 25-27 мая 1992. С. 26).

Все эти рассуждения автора можно было бы воспринимать с юмором, если бы не их конец, который сразу дает понять: здесь не до шуток. А именно, его заявление: «мы — духовные антисемиты». Допустим, появятся какие-нибудь непривлекательные субъекты и заявят: «мы — духовные русофобы», «мы — духовные антимооскалы», «мы — духовные антитурки», и тогда все будет ясно. Прибавляя слово «духовный» к любой дряни, получаем ту же самую дрянь в «духовной» упаковке, какими бы оговорками это ни сопровождалось. Совсем не до юмора, когда о. Димитрий фактически отрекается от о. Шмемана и о. Мейендорфа. Николай Бердяев упрекал в начале нашего века о. Павла Флоренского за то, что он отрекся от Алексея Хомякова, а ещё раньше многие другие отрекались от Владимира Соловьева. Ну, теперь ещё и публичное отречение от о. Мейендорфа, о. Шмемана и о. Меня. Да ещё и о. Валентин Асмус недавно фактически отрекся от матери Марии (Кузьминой-Караваевой). Сколько ещё будет отречений?

Приведем ещё характерные слова о. Димитрия из другой его публикации: «Сегодняшние коммунисты — не те, что были раньше. Те, скорее, числятся антикоммунистами. Коммунисты сейчас — патриоты, так называемые фашисты — тоже патриоты, любящие свой народ, отзывчивые к горю народному. Вот это главное, если посмотреть на все глазами жалости и любви. Все станет на свои места, и мы, русские и евреи, коммунисты и верующие, обнимемся как православные люди. Об этом говорю не только я, но и лидер коммунистов Зюганов, поэтому я так хорошо отношусь к нему. И потому он избрал меня своим доверенным лицом. Ведь это чудо: коммунист и священник заодно. Более того, и чекисты заодно, они даже просили прощения за то, что арестовали меня. И берут благословение». (Свящ. Димитрий Дудко. Причина всему — золотой телец. //Русь державная. 1999. № 1. С. 3).

Я могу понять, какие мысли и эмоции возникают у рядового человека по еврейскому вопросу, когда он видит, каково окружение Ельцина. Не исключено, что именно фашисты или национал-коммунисты возьмут в свои руки дело сохранения России как национальнополитического организма, если все прочие окажутся несостоятельны. Но как и какой ценой? Очевидно, восхваляемое о. Дудко единство осуществимо лишь на антихристианской основе. Не отрекаются ведь его доверенные лица ни от Ленина, ни от Сталина, да и от Гитлера — если указать на тех, кого Дудко вроде бы назвал своими доверенными лицами. Какое же тут Православие? И где же здесь пастырство? Приносить в жертву своим идолам чужие жизни, попирает и уничтожает все святое, доброе и прекрасное их учить не надо. Я не могу забыть, что мой отец воевал с фашистами, как и того, что среди моих родственников, как-то не рвавшихся в колхоз, погибли в те годы от рук коммунистов все мои дяди, а отец не погиб только потому, что ему вовремя кто-то сказал о предстоящем аресте. Фашизм, как и коммунизм, — это воинствующее неоязыческое антихристианство. Здесь — ситуация бескомпромиссного выбора. И понимают это также и некоторые авторы того же «Православного книжного обозрения». На с. 12 следующего, декабрьского, номера за 1998 г. под портретом архимандрита Иоанна (Крестьянкина) помещен довольно длинный ответ на вопрос: «Так совместимы или нет христианство и идеи коммунизма?», где можно прочитать, например, следующее:

«Главная тайна советского времени — в том, что за словами о "социализме и коммунизме", о "власти рабочих и крестьян" скрывалось совсем иное— "борьба пентаграммы с крестом", ... извечное желание дьявола властвовать над душами людей с целью обречь их на вечную гибель».

Согласимся со сказанным. И обратим внимание ещё вот на что. Главный редактор этого издания Виталий Аверьянов поместил в указанном декабрьском номере свою рецензию на книгу о. Димитрия «Преодоление соблазнов» (М.: Храм Успения Божией Матери, 1997), где отнес книгу к жанру «Опавших листьев» В. В. Розанова: «О. Димитрий не выстраивает какой бы то ни было единой смысловой системы, а как бы освещает целое с разных концов, дает проявиться разным сторонам одного и того же явления» (с. 3). Дескать, пастырски правильное решение — охватить отеческой любовью всех, кого только можно. Ну что ж, если это листья уже опавшие, то и относиться к ним можно не самым серьезным образом. Сам автор — вроде бы и вне этих листьев.

Как бы там ни было, ненависти к погибшему о. Александру Менью и желания втоптать его имя в грязь у о. Димитрия я не вижу. Но те, кто окружает о. Димитрия и с кем он связал себя на позднем этапе своего жизненного пути, хотя, конечно, своего. Так что всеохватывающая пастырская любовь здесь означает согласие отдавать таких, как Мень, а затем Мейендорфа и Шмемана на заклатание идолам своего круга. Ну что ж, о. Мейендорф высказывался об о. Мене хорошо — и ему ещё не раз, наверное, припомнят его слова: «... Все, что я читал из произведений о. Александра Меня, мне очень нравилось. И я думаю, что он сыграл большую роль в приведении многих ко Христу. У Меня есть такое дарование говорить современному образованному человеку, приходящему в Церковь. Таких писателей больше нужно было бы иметь, ему это очень хорошо удавалось» (Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Православная Церковь в современном мире... С. 23).

II. Без стыда

Мюллер вечен, потому что вечен сыск.

Юлиан Семенов

Диакон Андрей Кураев выпустил книгу «Оккультизм в Православии» (М.: Фонд "Благовест", 1998), где повторил нападки на о. Меня, ранее опубликованные им в газете «Радонеж» (№ 7-8 (51-52), апрель 1997). Уже не в первый раз он порочит имя погибшего. Раньше Д. Шу-шарин в «Независимой газете» от 18.03.93 опубликовал написанное Кураевым «Сомнительное православие отца». Ответы на нее были в свое время даны игуменом Иннокентием (Павловым) и другими. Кураев едва ли это не заметил, но внимания не удостоил. Когда возразить по существу нечего, можно и проигнорировать, выдавая себя за того, кто неизменно прав.

В новой его книге первой помещена глава «Александр Мень: потерявшийся миссионер». Нет чтобы прямо сказать — «убиенный миссионер». Так было бы честно. Но правда заменена на ложь. «Он ушёл вовремя», — пишет Кураев (с. 44). Иначе говоря, его вовремя убили. Значит, убийцы правы? «Честное обсуждение предполагает и честное обозначение своей позиции» (с. 38), — так подал себя Кураев; но приходит на ум другое — гнилые уста не скажут правды.

Возьмем, например, такое заявление: «писатель Александр Мень является униатом» (с. 38). «Если мы хотим определить конфессиональную позицию писателя Александра Меня, то вывод будет определенный: униат, т. е. католик, исповедующий католическую доктрину и при этом ценящий православный обряд. И здесь ни при чем справки из Московской Патриархии о том, что он — священник, рукоположенный православным архиереем, служивший в храме, принадлежащем Русской Церкви, и принимавший награды от Московского Патриарха (тем, кто представляет отца Александра как мученика,

который подвергался травле со стороны "официальной Церкви", стоило бы помнить, что протоиерей Александр был награжден всеми священническими наградами, — в том числе и высшей: правом ношения митры). Писатель Мень — униат» (с. 37-38).

Чего здесь больше — лукавства или нахальства? Или желания подвести под анафему? Автор, выступивший под именем митрополита Антония (Мельникова), назвал Меня «постовым сионизмом». Кураев, имея, надо думать, большой дар различения духов, выдает другой приговор: Мень как писатель — униат. Приговор обжалованию не подлежит. Никакие справки из Московской Патриархии не помогут. А уж если справки не помогут, то тем более не в счет десятки лет его служения в подмосковных деревенских храмах, в условиях весьма трудных. Такой судья, как Кураев, отмечает все это прочь. Как священник, Мень уже убит, осталось доконать его как «писателя».

Но поставим вопрос: кто же в действительности является униатом по существу? — Тот, кто ушел из православия в католичество восточного обряда, тот, кто перестал считать нашу Православную Церковь Церковью в полном смысле этого слова. И тут стоит привести характерный пример. Был раньше один предатель — Владимир Никифоров, который в начале 80-х ушел в католичество, стал подпольным священником и предлагал некоторым идти следом. Условием присоединения к католичеству, согласно Никифорову, стало ритуальное произнесение во время мессы формулы: «Только в Римско-Католической Церкви — полнота Церкви Христа». Ясно, что это — формула отречения от Православия, непризнания Православия Церковью. Кое-кто такую формулу тогда повторил.

1978 г. Свящ. Александр Мень, Владимир и Тамара Никифоровы, Леонид Василенко.

Не знаю, должны были или нет произносить такую формулу отречения недавно появившиеся униаты из московской полуправославной интеллигенции. ["Не знаю", - так можно было бы позвонить и спросить меня, именно обо мне идет речь. Но ненависть любит слухи и избегает прямо, лицо в лицо разговора. А я бы сказал: никакого отречения никто не совершал и не будет, и это вздорное подозрение, и вовсе это не "униатство", а то же самое полноценное православие, что у Василенко. Замечательно Василенко смыкнулся с Кураевым в обличении меня как "униата". И как легко, походя, бац - "полуправославные". Что бы это значило? Экая злость - со стороны человека, что забавно, который почаще моего, вполне открыто причащался у латинских католиков. И московским латинским католикам анти-униат Василенко куда ближе, чем православные, пытающиеся выявить свое единство с Римом; и статья ведь эта напечатана в католическом

московском журнале. Прим. свящ. Якова Кротова, 2004 г.] Может, в мемуарах кто-нибудь когда-нибудь вспомнит. Никифоров организовал подпольную католическую общину, а затем всю её целиком заложил (да и многих других католиков и православных), как только за него взялись, и вот он тогда, как и теперь Кураев, охотно и широко заявлял, что Мень — это «католичество в православной упаковке». В том числе, говорят, и на допросах, т. е. помогал следователям правильно сориентироваться в этом туманном вопросе.

Кураев действует нахально — о. Александра Меня надо обвинить в том самом, чего он никогда не делал, — в униатстве. Рука убийцы уложила его в гроб, и Мень сам уже не ответит. Это Соловьев когда-то в ответ на такие обвинения сам писал архимандриту Антонию (Вадковскому): в католичество не перейду, а унию считаю вредной. Хулители Соловьева, однако, на это внимания не обращали.

А ведь, чтобы стать униатом, надо признать, как минимум, примат папы в католическом его понимании, а Православие — не Церковью, а чем-то несерьезным [*Для интеллектуала, да еще вроде бы интересующегося богословием - поразительное по невежеству заявление, равнозначное тому, чтобы заявить, что и латинские католики полагают православие "не Церковью, а чем-то "несерьезным". А уж использование термина "униат" обнаруживает и вовсе незнакомство с правилами цивилизованной речи. См. подробнее о том, что такое единство православия и католичества - Прим. свящ. Я. Кротова, 2004 г.*]. Но о. Александр Мень понимал дело по-другому: наша Церковь — это действительно Церковь, какими бы ни были грехи принадлежащих ей христиан в сани и без сана, а слово Папы для православного христианина может быть важно лишь в той мере, в какой в нем звучит слово Христово.

Ибо на первом месте в Церкви — Христос, Дух Божий, Евангелие. Если не звучит слово Христово в слове иерарха, тогда мы имеем дело только с его человеческим словом, которое и оценивается соответственно. Не разделял Мень веру в примат папы, в его непогрешимость. Но уважал того или иного папу как личность, как достойного иерарха и серьезного христианина. Никто не вправе никому запрещать уважать папу и вообще любить католиков, сотрудничать с ними в служении Христовом, в свидетельстве веры и высшей правды. В конце концов, даже Константин Леонтьев умел уважать папу, вовсе не изменяя при этом Православию.

Чего ещё требует Кураев? Не смейте считать о. Александра Меня мучеником из-за каких-то неприятностей с церковным начальством — награды по службе он получал. Вопрос о его убийстве за свидетельство веры Кураев проигнорировал полностью. И понятно, почему. Если признать мученичество за веру, за свидетельство Христово, за служение Слова, тогда всё написанное Кураевым — мерзость перед Богом. Поэтому, требует Кураев, не смейте считать его мучеником за веру — и тут у него тоже припасен кое-какой компрометирующий, как он это подаёт, материал.

На с. 41 он, например, приписывает Меню какую-то религиозную всеядность, полную неразборчивость в отношении нехристианских верований, а в обосновании цитирует, сокращая неподходящие для себя слова Меня: «Я верю, что в каждом великом учителе Бог как-то действует... Они все правы, значит прав и Он, сказавший о Себе: "Я и Отец одно"» (А. Мень. Быть христианином. М., 1994. С. 6).

Вот, смотрите, торжествует Кураев, как я разоблачил этого еврея с «национальной склонностью к диссидентству» (с. 36): Мень ставит христианство в один ряд с прочими религиями и признает истину христианства только лишь «между прочим», только лишь в рамках этого ряда. «Надо во что бы то ни стало показать, что те лучшие ценности, что есть в подсоветско-светской культуре, не чужды христианству и разделяются им. Достоинство личности, творчество, свобода, дерзновение — все это есть и в христианстве и по большому счету только там и может быть логически обосновано» (с. 41).

Да, чтит Мень достоинство личности, творчество, свободу и дерзновение. Кураев, конечно, не чтит, потому что по-хамски относится и к человеческому достоинству о.

Александра Меня, и к его сану, и к его творчеству, и к не часто встречающейся теперь, но удивительно ярко выразившейся в его жизни духовной свободе. Получается ещё и так, по Кураеву, что эти ценности Меня поставил выше Христа, выше любви к Богу. Судит Кураев убойно, и если соглашаться с его претензиями, то и ап. Павел был глубоко не прав в том, как он держал речь перед своеобразной аудиторией афинского ареопага.

Но стоит только внимательнее посмотреть на указанный Кураевым опубликованный текст о. Александра Меня, как мы увидим на предыдущей странице главную его мысль, что христианство — совершенно уникально в ряду мировых религий, потому что дает ответ на все подлинные религиозные искания, на ту жажду истины, которая есть в религиях мира: «И вот среди них [указанных учителей] <есть> Единственный, который говорит от Своего Лица как от Лица Бога: "А Я говорю вам", или по Иоанну: "Я и Отец одно". Никто из великих учителей мировой религиозной мысли никогда ничего подобного не говорил. Таким образом, единственный случай в мировой истории, когда Бог открывает Себя через конкретного Человека в некоей абсолютной полноте, — это тот случай, который мы имеем в Евангелии» (с. 5).

Оклеветав Меня, Кураев критикует, и притом часто по делу, всякие магические обычаи и суеверия в народе, описанные как что-то нормальное теми, кто предлагает нам жизнеописания разных старцев и стариц. О канонизации таких говорить, по меньшей мере, рано, особенно если полагаться на такие описания. Я не вижу особой нужды бесспорно отрицать святость всех их, но признаю, что она просто не видна из таких книжек. Кураев также критикует то, что он оценил как беспринципную снисходительность в отношении к разным гностическим учениям и идеям, которая нередко встречается среди высокообразованных православных, иногда занимающих в Церкви заметные посты. Правда, когда видишь, как Кураев ведет полемику, не можешь не задуматься, а всегда ли он говорит правду?

Недобросовестность Кураева сразу видна, как только он называет ноосферу «окультурным словечком» и запросто относит разные экологические концепции к каббалистике. Ход прост. Испушенный в еврейском вопросе читатель тут же поймет недосказанное: вот они, жидаы, и тут все наводнили. Впрочем, есть среди цитат, приводимых Кураевым, такие, что говорят сами за себя, без всякой нужды в комментариях Кураева, если, конечно, его цитирование корректно.

Для своей — в чем-то и полезной — критики Кураев использовал в качестве «паровоза» клевету на о. Александра Меня. Получается так. Кураев как бы говорит своей книгой: братья и отцы, я понимаю, как всем нам противен этот еврей Меня, он мне и вам чужой, наше Православие надо очистить от его памяти, посмотрите же, как здорово я ради вас размалевал его физиономию. Я ведь его запросто пристроил в компанию тех интеллигентов, которые давно уже вывалились из Православия в какой-то сумрачный оккультизм, в «глухоту паучью». Давайте теперь и вы кое в чем уступите, — у некоторых из ваших по части двоеверия тоже ведь рыльце в пушку. Вот какую солидарность он ищет. И, на первый взгляд, не без риска — ведь за аналогичную критику суеверий в Православии тот, кто обозначил себя псевдонимом «прот. Сергей Антиминсов», не так уж давно в журнале «Москва» безбожно поносил акад. С. С. Аверинцева. И ни к какой ответственности за это никто из иерархов его не призвал. Но едва ли риск Кураева так уж велик.

От имени Православия, и никак не меньше, Кураев говорит тоном безапелляционным, высокомерным, тоном абсолютно безупречного учителя по отношению к Меню, кого он изображает нашкодившим мальчишкой. «Моя работа в принципе корпоративна», — писал он в указанной газете «Радонеж», — и она осуществляется в «постоянном и самом тесном контакте со всей массой православного духовенства». То, что есть корпоративный интерес, готов согласиться, а насчет «всей массы» — сомневаюсь, тем более, что «масса» — это совсем не соборность.

Кураев сурово учит трезвости, умению решительно говорить «нет», запросто проводит сравнения между миссионерами и еретиками, напоминает о голосе Предания, рассуждает о великих опасностях миссионерства (уж еретики-то, дескать, всю миссионерствовали, а понятливый читатель о прочем догадается), об особенностях современной аудитории и пр. Из рас-суждений Кураева вытекает, что Мень ни в чем не разобрался, неправильно проповедовал, «опьянялся модами века сего» (с. 45), не так, как надо, отвечал на заданные ему вопросы, сплошь и рядом делал грубые ошибки, очевидные и студенту семинарии, но «можно быть благодарным и за его ошибки». Не ясно только, почему же Мень был убит, если его покладистость не давала ему сил говорить, когда следует, твердое «нет».

Если автор думает убедить своих читателей в подлинной православности его статьи, то он ошибается. Но что делать? Все можно понять. В конце концов, Ку-раев — выходец из советской философской среды, для многих (хотя и не всех) представителей которой характерен тот демагогический давящий стиль, который он и воспроизвел на своих страницах. Не в этих ли кругах он научился ссылаться на «массы»? Он охотно упоминает Ленина как «авторитетнейшего российского демонолога» (с. 16) и демонстрирует, что ему не нравится, как Даниил Андреев написал о демонических инспирациях в деятельности Сталина.

Насколько прав сам Андреев — другой вопрос, и не к Кураеву же ходить за ответом. К Меню приведенный им пассаж из Андреева прямого отношения не имеет: цитировал Кураев только то, что Мень признал определенную долю правоты Андреева относительно существования небесного кремля, а не относительно Сталина и вовсе не по поводу теософских идей Андреева. Но симптоматично, что выпад против Андреева появился именно в связи со Сталиным. Уже есть люди, открыто заявляющие о себе как о «православных сталинистах», так что Кураеву ни к чему с ними ссориться.

«Сегодня у меня не меньший опыт публичных выступлений, чем у отца Александра» — требует почтения автор (в газете). Но возьмем несколько характерных мест из его статьи, показывающих, как легко погибшего свидетеля веры можно записать в лагерь гнусных колдунов и оккультистов, если принимать те нормы ведения дискуссии, какие предлагает миру Кураев. Преподаватели курсов нетрадиционной медицины, как он оскорбительно заявляет, — «всего лишь учителя оккультизма. И вот в такой ситуации православный священник, по сути, благословляет аудиторию: да, да, слушайте своих наставников, Церковь не возражает против того, что они вас обучают технике "парапсихологии". А в качестве защиты от "негативных полей" священник порекомендовал лишь "открытость"» (с. 17) и т. д.

Сделаем элементарное сравнение написанного Кураевым и сказанного Менем в его книге «Магия, оккультизм, христианство» (М.: Фонд имени Александра Меня, 1996). Речь в ней идет вовсе не о благословении оккультизма, а о тех видах риска, которые действительно хорошо известны не только в той аудитории, где выступал Мень, но и за её пределами. Мень дальше сам дает свой перечень некоторых видов риска (раздел «О духовном целительстве»), который стоит воспроизвести:

а) есть риск как для лечащего, так и для его пациента, при передаче духовной и душевной энергии;

б) риск в контактах с темными трансфизическими слоями;

в) риск от прямых контактов с демонами;

г) риск от идолопоклонства;

е) риск от праздного любопытства;

ж) соблазн массовости эффекта воздействия. Здесь можно спорить, все ли виды риска перечислены, не упущено ли что-нибудь, не сказано ли что-то слишком бегло. Но Кураев, проигнорировав сказанное Менем, безосновательно и вопреки словам самого Меня обвиняет его в том, что он одобряет разные целительские шоу, «наполненные "святым смехом", "покоем в Духе" и исцелениями от веяния пиджака» (с. 16), и приглашает туда

людей. Остается задать вопрос: а с честным ли способом ведения дискуссии мы имеем дело?

Но продолжим. «Лектор отбрасывает свой имидж, — лихо рассуждает дальше Кураев, — ему важно, чтобы о нем шла молва как о поборнике либерализма, творчества, свободы, терпимости, открытости, как о столпе "современного христианства"» (с 17). «Открытость» и «широта взглядов», легко переходящая в беспринципность, — вот, по Кураеву, и все, на что оказался способен Мень. Снова сравним, что у Меня, с тем, что у Кураева. Мень настаивает на следующем:

а) прежде всего, нетрадиционный целитель должен быть профессионалом-медиком; это означает, вопреки Кураеву, что он не шарлатан, не знахарь, не проходимец;

б) между таким целителем и его пациентом возникает духовная связь намного большая, чем у обычных хирургов и терапевтов с их больными, и это требует от целителя самой серьезной ответственности во всех отношениях, а особенно нравственной ответственности;

в) необходима непрестанная и интенсивная работа целителя над собой, «внутренний подвиг» (с. 149 книги Меня);

г) главное в подвиге — освобождение от ложного самоутверждения, от гордыни, труд в духе подлинной самоотдачи и служения Богу и ближнему, с постоянной проверкой совести;

д) необходимо противодействовать всяким темным влияниям, а для этого уметь их различать, зная, на что опереться в противодействии, и Церковь располагает здесь большим опытом, который не следует игнорировать;

е) Бог призывает каждого христианина, а особенно имеющего целительский дар, становиться «носителем любви и света Христова» (с. 155);

ж) нужно избрать своим учителем и образцом Самого Христа, Который Сам был целителем;

з) смиренно совершать целительский труд как «подлинное богослужение» (с. 156);

и) искать высшего духовного руководства и благодати.

Кураев всё это в лучшем случае не видит, а скорее просто игнорирует и пишет своё: «Крестного знамения, молитвы, хранения ума, исповеди, причастия и ознакомления с апостольскими правилами, в которых выражено отношение Церкви к знахарству, он не предписал этим "целителям"» (с. 17). Нам же ясно иное:

Мень увидел в своей аудитории серьезных профессионалов тех, кому Бог даровал особые силы, чтобы они отозвались на Его призыв и исполнили свое служение с полной самоотдачей и в духе Христовом. Кураев же увидел какой-то сброд колдунов, ведьм, знахарей, негодяев, с которыми разговаривать нужно жестко — с позиции силы, языком грязных обвинений, анафем, проклятий и пр.

Невозможно исключить, что в аудитории нетрадиционных медиков были люди, чей духовный выбор был весьма далек от того, какой предложил им лектор. Но нельзя обвинять в колдовстве всю аудиторию, как нельзя обвинять, например, в антисемитизме весь православный клир или в гомосексуализме все наше монашество и епископат из-за того, что среди их представителей немало одержимых такими страстями. Мень был убежден, что и целители, и астрологи не менее всех других людей нуждаются в том, чтобы донести до них слово Христово и помочь им полюбить Церковь. Для серьезной профессиональной работы им нужна, как выше сказано, благодать, нужны примирение с Богом, чистота помыслов и намерений, подвижничество и во-церковление.

Сказанное не означает, что Мень пренебрегал крестным знамением и всем прочим. Но что важнее — само крестное знамение или та постановка духовной жизни, в рамках которой оно и приобретает свое подлинное значение? Ведь от крестного знамения и от молитв не отказываются некоторые бабушки, которые хаживают в церкви и одновременно занимаются заговорами и пр.

Ещё один вопрос — отношение к астрологии. По тону статьи Кураева ясно, что всю эту астрологию следует считать мерзостью от начала и до конца, её нужно искоренять повсюду, куда только дотянется рука православного ревнителя, не стесняющегося в средствах. Ну что ж, Кураев известен своим предложением выбросить из Библии Книгу Есфирь. Это я слышал от игумена Игнатия (Крекшина), пока тот ещё был в Православии. По логике вещей, теперь Кураеву пора предложить выкинуть из Нового Завета повествование о трех волхвах, пришедших поклониться Младенцу Иисусу. Эти трое в Евангелии совсем не осуждаются, но они — явные астрологи («мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему» — Мф. 2: 2), что и подтверждает тропарь Рождества Христова: «звездам служащий звездою учахуся». Но если принять позицию Кураева и сделать из нее все выводы, то и тропарь тоже нужно выкинуть из Православия.

Конечно, речь здесь идет об астрологах, обратившихся ко Христу, а не упорствующих в заблуждениях и в противлении Ему. Могут возразить, что маловато астрологов, принявших Христа. Пожалуй, так, но есть же притча о потерявшейся овце, ради которой стоит приложить немалые усилия. И совсем плохо, когда разумный астролог советует кому-то креститься и воцерковиться, а священник, услышав, кто это посоветовал, гонит прочь из храма того, кто решил креститься. Об этом и написал однажды астролог Феликс Величко в журнале «Уrania» («Печальная повесть о том, как батюшка Иван Иванович поссорился с астрологом Иваном Никифоровичем» — «Уrania», 1995. № 5), а я соответствующим образом прокомментировал. Ф. Величко тогда, между прочим, написал: «Главная задача астрологии — помочь человеку познать себя, ощутить в себе искру Божию и осознанно служить орудием Бога, следовать Его предназначениям» (с. 57). Кураеву до этих слов, очевидно, дела нет, как нет дела и до моих слов: «Ничто астрологическое и вообще космическое не должно стоять между Богом и человеком» (с. 58). В моих словах и в их контексте нет полного и безоговорочного согласия с процитированными весьма неплохими словами Величко, за которые этого автора нужно бы уважать.

Кураев процитировал эту мою давнюю статью, но с недопустимыми искажениями сути дела, соединив их с нападками на Меня. Позиция Меня проста: «Астрология возможна как наука» (с. 163); «астрология допустима, если она не притязает быть эрзац-религией» (с. 162); «астрология как псевдорелигия, конечно, является просто вредной» (с. 163). Примеры недолжного использования астрологии при Гитлере и в других случаях Меня указал. Эту же позицию дифференцированного отношения к предмету разделяю и я, потому что в астрологии действительно есть немало вопросов, которые переводимы в план научных исследований, при всем том, что были и псевдорелигиозные направления, совершенно справедливо осужденные не только Церковью, но ещё и ветхозаветными пророками как идолопоклонство.

Кураев, человек философски образованный, должен бы уметь различать вопросы научные и вненаучные, как-никак приносил свою диссертацию на защиту в Институт философии РАН. Должен знать и то, что давно известно и астрологам, и многим не астрологам, а именно: для разумного человека астрологические прогнозы, как и всякие прочие прогнозы, — не предмет суеверия или ложного мистицизма, и нужно правильно понимать их возможности и границы. Они не являются жесткими предсказаниями, подавляющими человеческую душу и её свободу, а только описывают вероятностную предрасположенность к каким-то событиям в будущем. Знание астрологических прогнозов, как и всяких других, вовсе не лишает человека свободы воли. И то, что астрологические прогнозы нередко не исполняются, тоже хорошо известно всем, кто сколько-нибудь вникал в этот вопрос.

Другое дело, что к астрологии, как и к целительству, часто бывает суеверное отношение, и здесь именно христиане способны наилучшим образом давать нужные оценки. Есть и ещё один важный момент. Упомянутый Кураевым Глоба, если верить тому, что о нем говорят разные люди, считает, что в ходе профессионализации астрологу

нужно пройти через особые посвящения, надо полагать, космическим силам, может быть, зороастрийским Ахурам. (Выяснить эту деталь мне пока не удалось). В таком случае астрология Глобы — не научная и она для христиан неприемлема. Кураеву, разумеется, нужно уверить всех, что Мень во всем «оказывается единомышленником Глобы» (с. 26).

Кураев некорректен и здесь. Мень готов был согласиться с Глобой только в том, что «когда человек считает, что астрология связала его по рукам и ногам, что он уже детерминирован, что никуда не денешься, что выбора нет, вот тут начинается суеверие, начинается рабство» (с. 163 книги Менья). В этом Глоба, действительно, прав и нет ничего постыдного в том, чтобы согласиться с ним в этом вопросе, а вовсе не во всех других. Кураев наверняка изучал когда-то логику и должен был знать о существовании ошибок, возникающих при необоснованных обобщениях, а здесь как раз такой случай, когда согласие в чем-то частном вовсе не означает согласия в целом.

Если христианин действительно воцерковился, его духовная жизнь получает полную внутреннюю свободу от влияния каких-либо космических сил, в том числе и тех, которые попадают в поле зрения астрологии. Христианину не нужна астрология для определения своего жизненного пути, для спасения души и примирения с Богом, как не нужны физика, биология, философия, как не нужны стихи, романы, картины, автомашины, компьютеры и проч. Но все это может понадобиться многим людям, хотя и не всем, для разных видов служения. А Бог может и через красоту звездного неба, и через науку и искусство побудить человека обратить на Себя внимание и принять Его призыв.

Кураев мог бы присмотреться к названию моей статьи: «Вода крещения смывает печати звезд». Эти святоотеческие слова говорят об особом призвании христианина, о его свободе по отношению к космическим влияниям. Они означают, вместе с тем, что от астрологических зависимостей не свободны те, кто остается вне крещения и Церкви. Кураев цитирует мою статью с указанием заголовка, значит нельзя сказать, что он её не читал, но, не стесняясь, приписывает мне (и Меню) позицию, которую мы совсем не разделяем.

Кураев фактически отказывает Меню, мне и другим в праве думать иначе, чем он сам, бесстыдно изображая нас пособниками каких-то сомнительных знахарей. Опять нужно спросить, а с добросовестным ли отношением мы имеем дело? Пожалуй, нужно посчитать за честь, что мне довелось именно вместе с о. Александром Менем получить хулу в свой адрес от такого деятеля, как Кураев. Наверное, не один Кураев так будет делать. Но каждому человеку Бог даровал разум, чтобы мыслить и достигать зрелости веры. Имейте мужество думать своим умом, — призывал 200 лет назад Кант. Кураев в сущности лишает нас (от имени Православия!) права думать и давать оценки. Назовем это своим именем: религиозный обскурантизм псевдоправославного благочестия.

Недавно в Москве выпустили книгу Эриха Фромма «Догмат о Христе». Фромм — большой ум, видный психолог. Он раньше хорошо писал, что признаком добротности духовной жизни является радость. Но в этой книжке он сказал о христианстве как-то унижающе и с презрением: дескать, оно выросло из тех отрицательных эмоций, которые французы обозначают словом гехвепПтеШ, — из зависти, обид, чувства обделенности, из ненависти угнетенных и никому не нужных людей к тем, кто достиг успеха, из болезненной жажды взять свой кусок от пирогов на жизненном пиру и пр. Будем считать, что большой ум Фромма сделал большую ошибку. Такое бывает. Но когда видишь все, что написали обозреваемые авторы, приходит на ум мысль, а не хотят ли они подтвердить сказанное Фроммом? Та же мысль приходит на ум, когда слышишь западные разговоры о том, что от Православия к коммунизму очень легко перейти, если стать на почву антизападничества и национализма. Похоже, что антименевские демагоги решили поработать на пользу также и такого мнения. И если вспомнить «карловацкие» нападки на Московскую Патриархию как на «Церковь лукавнующих», то и тут получается, что все эти наши авторы как бы хотят делом подтвердить правоту таких оценок.

Кураев воздвиг идола своей ревности по чистоте Православия, но идола требуют жертв. Кураев совершает публичное заклятие имени Меня, сопровождает это идеологическим камланием и предлагает другим пасть ниц всей «массой» перед его идолом, хором благословить такое заклятие. Идол потребует и других жертв, и кто знает, чем это кончится. Идеологический террор, который идет теперь в нашей Церкви с попустительства некоторых иерархов, обрушился не только на о. Александра Меня, но и на о. Георгия Кочеткова, игумена Мартирия (Багина). На очереди другие имена. Не будем исключать, что там, где сеют ненависть, там будут вытеснять или просто изгонять из Церкви, а изгнанных тут же обвинят в расколе. Ненависть и осуждение, как известно, равносильны также желанию смерти того, кого осуждают, презирают и ненавидят. Некоторые высокообразованные православные, вроде диакона Андрея Кураева, отдали себя на службу воинствующему невежеству, террору и ненависти. «Невежество — это сила», — сказал в свое время Орвелл. Эту силу надо уважать и ей служить — этому фактически учит православных Кураев. Но вспомним св. Александра Невского, которого о. Александр Мень чтит как покровителя: «не в силе Бог, а в правде». Есть и слово Господне: «Не сотвори себе кумира».

Святое Православие не погибнет, и Мень не перестанет быть свидетелем веры и служителем Слова Божия из-за того, что клевета идет широко. Но нужно пройти через трудные дни и годы. Гонимый игумен Мартирий сказал недавно в одной из бесед по поводу распространившейся у нас ненависти к «инославным» христианам: «Мы духовно нездоровы», мы — «в глубочайшем духовном кризисе, который переживает сейчас Русская Церковь и некоторые иные Церкви. Но в любом случае будем оптимистами. Будем помнить о том, что Дух Христов должен восторжествовать в истинных последователях Христовых, и те слова, которые сказаны Господом [см. Ин. 13:33-34. — Л. В.], не могут быть проигнорированы Его учениками и будут осуществлены ими в виде любви ко всем христианам» Вестник Филокалии. 1999. № 1. С. 10-11).

Ненавидящие т. н. «инославных» ненавидят и настоящих православных. Быть на стороне гонимых, на стороне тех, кто служит Господу в духе высшей правды и любви Христовой, независимо от того, к какой Церкви они принадлежат, или быть на стороне гонителей — таков выбор.